

Трогателен и прекрасен в „Повести о разорении Рязани Батыем“ образ жены рязанского князя Федора — Евпраксии. Ее муж пожертвовал жизнью, защищая в стане Батыя ее честь. Услышав о смерти мужа, Евпраксия „абие ринуся из превысокаго храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти“.¹

Скупая во всем, что касается личных чувств действующих лиц, русская летопись отмечает всё же, что суздальскому князю Всеволоду Большое Гнездо было „жаль“ своей „милой дочери“ Верховславы.² Всеволод дал „по ней многое множество, бес числа злата и серебра“, богато одарил сватов и, отпустив ее с великою честью, провожал ее до трех станов. „И плакася по ней отець и мати: занеже бе мила има и млада“.³ Не забыта летописцем и та безвестная женщина, которая, приняв ослепленного князя Василька Ростиславича Тербовольского за умершего, оплакала его и выстирала его окровавленную рубашку.

Описывая смерть волынского князя Владимира Васильковича, летописец не забыл упомянуть о любви его к своей жене — „милой Ольге“. Это была четвертая дочь брянского князя Романа, но была она ему „всех милее“. Роман отдал „милую свою дочь“⁴ за Владимира Васильковича, „посла с нею сына своего старейшего Михаила и бояр много“.⁵ Впоследствии ее навещает брат ее Олег.⁶ С ее помощью на смертном одре Владимир Василькович улаживает свои государственные дела, причем называет ее „княгини моа мила Олго“. Владимир и Ольга были бездетны. Предсмертные заботы Владимира направлены на то, чтобы устроить судьбу ее и их приемной дочери — Изяславы, „иже миловах ю аки свою дщерь родимую“.⁷ Владимир Василькович разрешает своей жене поступить после его смерти как ей вздумается — жить так или идти в черницы: „Мне не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моему животе“,⁸ — говорит он.

Нежный, задумчивый облик женщины-матери донесли до нас и произведения русской живописи XII века. В них воплощена забота женщины, ее любовь к умершему сыну. Такова, например, икона Владимирской божьей матери. Сохранились и рассказы о том, какое впечат-

умя, и поседе в доброденьствии на огни столе и дедни“ (Лаврентьевская летопись, под 1237 г., стр. 467). Этот лирический портрет, в котором внешним чертам князя придано такое большое значение, может сравниться только с портретом волынского князя Владимира Васильковича, составленным волынским летописцем, также особенно внимательным к судьбам вдовы этого князя — „милой“ Ольги. Волынский и ростовский летописцы — оба писали для вдов своих князей, оба в какой-то мере отразили их чувства. „Сий же благоверный князь Володимерь, — пишет волынский летописец, — возрасомь бе высок, плечима великь, лицемь красен, волосы имея желты кудравы, бороду стригый, руки же имея красны и ноги; речь же бяшетъ в немь толъста и устна исподняя дебела, глаголаше ясно от книг, зане бысть философ велик, и ловецъ хитр, хоробр, кроток, смирен, незлабив, правдив, не мьздоимецъ, не лжив, гатъббы ненавидяше, пития же не пи от возраста своего. Любовь же имяше ко всем, наче же и ко братьи своей, во хрестьном же целованьи стояше со всею правдою истинною, нелицемерною“ (Ипатьевская летопись, под 1288 г., стр. 605).

¹ Труды ОДРА, т. VII, стр. 239.

² Ипатьевская летопись, под 1187 г., стр. 443.

³ Там же.

⁴ Там же, под 1264 г., стр. 569.

⁵ Там же.

⁶ Там же, под 1274 г., стр. 577.

⁷ Там же, под 1287 г., стр. 595.

⁸ Там же, под 1287 г., стр. 595. Владимир говорит об Изяславе: „Бог бо не дал ми своих родити, за мои грехы, но си ми бысть аки от своее княгине рожена, взял бо есмь ю от своее матери в пеленах и вскормил“ (стр. 593).